

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения Русской православной церкви и мусульманского населения Пермской губернии на рубеже XIX–XX веков. Основой для анализа послужили законодательные акты, церковные материалы, отражающие политику православной церкви по христианизации «инородцев». Отмечается, что процессы, происходившие в Пермской губернии, характерны для всей Российской империи. Государственная политика до 1905 года была направлена на ревностное охранение православия. Мусульмане в повседневной жизни сталкивались с многими трудностями и ограничениями. После принятия указа «Об укреплении начал веротерпимости» государственная политика смягчается. Церковь всеми силами старалась оградить как православное, так и языческое население от мусульманского влияния, пыталась организовывать противомусульманские миссии, деятельность которых не всегда заканчивались успешно.

Ключевые слова: Русская православная церковь, ислам, миссионерство, Пермская губерния, духовенство.

Сведения об авторе: Колпакова Галина Олеговна, Закиров Дмитрий Андреевич, Средняя общеобразовательная школа № 6, г. Радужный, Россия, e-mail: tolmaga@mail.ru

Взаимоотношения Русской православной церкви с мусульманским населением Пермского края на рубеже XIX–XX в. представляют интерес в связи с активацией этноконфессионального взаимодействия в современном мире. Они менялись в зависимости от официальной политики государства. Форма и характер этих отношений имели глубокий политический контекст, на них накладывали отпечаток конкретные исторические события.

Исламская культура препятствовала политике унификации народов России. Миссионеры сходились во мнении, что слияние православных и мусульман возможно лишь при условии их обращения в православие: «В деле слияния инородцев-мусульман с русскими главное значение имеет религия: пока первые исповедуют ислам, до тех пор в нашем отечестве они будут представлять нечто особенное, отдельное от коренного населения, напротив, принятие ими православия само собой приобщит их не только к нашей вере, но и к нашей гражданственности» [3, с. 13].

Два последних десятилетия XIX века стали временем торжества охранительной политики «православного консерватизма», попытки наступления на права не православного населения [10, с. 117]. Вплоть до Манифеста о свободе вероисповеданий от 17 апреля 1905 г. мусульмане в повседневной религиозной жизни сталкивались со многими трудностями и ограничениями. Государство стремилось к полномасштабному регулированию вопросов вероисповедания. Главенствующей религией в Российской империи было православие. Император не мог исповедовать никакой другой религии. Он же являлся Главою Церкви, как главный защитник и блюститель православной веры [16, т. 1 ч. 1 ст. 41, 42]. Свобода вероисповедания допускалась не только христианам, но также магометанам, евреям и язычникам [16, т. 1 ч. 1 ст. 45].

Вся масса преступных деяний по российскому уголовному законодательству конца XIX века разделена «Уложением о Преступлениях и Наказаниях Уголовных и Исправительных» на одиннадцать групп. Преступления против православной веры

помещены на первом месте. [6, с. 16–22]. В пределах государства только Православная церковь имела право вести миссионерскую деятельность и склонять иноверцев к принятию ее учения [23, ст. 4]. Но не дозволялось принудительных действий и средств при обращении последователей иных исповеданий и веры к православию.

Как рожденным в православной вере, так и новообращенным запрещалось отступать от веры и принимать иную [23, ст. 36]. Епархиальный архиерей обязан был надзирать, чтобы православные христиане не переходили в другую веру, т. к. только Православная церковь имеет право убеждать иноверцев к принятию ее учения [20, ст. 23].

Несмотря на законодательные ограничения, масштабная волна отпадения в магометанство ранее обращенных татар началась в 1865 году. Так, в Тетюшевском уезде Казанской губернии крещеные татары подали заявление об отказе от православия (до 5000 человек). К этому прошению вскоре присоединились крещеные татары Свияжского, Мамадышского, Чебоксарского, Казанского, Лиашевского уездов Казанской губернии и Сибирской губернии. Для расследования ситуации в «отпавшие» селения власти направили казанского вице-губернатора Розова и переводчика Н. Ильминского. Предводители «отступников» ишан Абдуллатиф Алкин, Галим Самигулов, Гизатулла Абдюшев, Махмут Миргашев и еще 47 человек были отправлены в Туруханский край. Муллы соседних с «отпавшими» селений дали подписку о том, что не будут допускать крещеных татар в мечети, не обучать их татарской грамоте, и не знакомить с учением ислама [4]. Результатом «отступнического» движения 1865–1868 гг. стало возникновение параллельно «легальной» мусульманской общине нелегальной общины «отпавших» крещеных татар [12].

Лицам, отступившим от христианской веры, воспрещалось иметь жительство в их имениях, населенных православными, вплоть до возвращения в христианство. Их имения берутся под опеку. Но в ней не имела право учувствовать супруга, изменившего православие [21, ст. 38]. Наблюдение по таким делам проводит Министерство внутренних дел.

Выселение «отпавших» от православия татар, размещение среди русской или давно исповедующей православие паствы являлось обычной практикой. Дореволюционные авторы и деятели церкви среди факторов «отпадения от христианства» называли совместное сожительство с мусульманами, религиозную пропаганду ислама, номинальный характер крещения. Епископ Оренбургский и Уфимский Иоанникий (Образцов) в своем отношении Оренбургскому духовному магометанскому собранию в 1845 году прямо обвинял мусульманское духовенство в вовлечении в свою веру новокрещеных [8].

Отступившие от православия отправлялись к духовному начальству для увещевания и вразумления. До возвращения в христианскую веру они не пользовались правами своего состояния [19, ст. 185]. За совращение из православного в иное нехристианское исповедание виновный приговаривался к лишению всех личных и присвоенных прав и к ссылке в Сибирь или в исправительное арестантское отделение по пятой степени статьи 21 Уложения о наказаниях. Предварительное следствие по делам о совращении из православия или отступлении от христианской веры начиналось по требованию духовного начальства [23, ст. 1006]. Судебный следователь не праве был отказаться от его производства [23, ст. 1008].

Так, в 1883 году в Казанском окружном суде производилось дело о семи крестьянах села Апазова, которые обвинялись в публичном порицании православной веры и в совращении своих односельчан из православия в магометанство. Сами обвиняемые по бумагам числились православными, но признавали себя мусульманами и отрицали предъявляемые им обвинения. Некоторые из свидетелей, совращенные подсудимыми, заявляли, что считают себя мусульманами от рождения, придерживаются мусульманских законов и никогда не были православными, хотя записаны в православных метрических книгах [2]. В Пермской губернии происходили подобные процессы, но, к сожалению, ярких документальных сведений не сохранилось.

В XIX веке оформился процесс перехода крещеных иноверцев обратно в ислам [7], который затронул как старокрещеных, так и новокрещеных. Точных данных о численности вернувшихся из православия в ислам крещенных татар на данный момент не существует. Тем не менее, численность их была, по-видимому, значительной. В Казанской губернии к 1896 году их насчитывалось 12188 человек. После 1905 года это движение не прекратилось. Так, к 1912 году из 13129 крещенных татар 8491 считались отпавшими [7].

Построение новых мечетей допускалось не иначе, как по представлениям от приходов и приходских чинов Магометанскому духовному начальству и с утверждения начальства губернского, после надлежащего удостоверения в необходимости постройки и наличии достаточных средств [22, т. 12 ст. 260]. При этом следовало, чтобы при всякой мечети прихожан было не менее двухсот душ мужского пола; чтобы общество, долженствующее составить новый приход, изъявило надлежащим образом в общественном приговоре согласие на доставление средств для обеспечения содержания мечети и нужного при ней духовенства [22, т. 12 ст. 261].

По магометанским приходам, подведомственным Оренбургскому Духовному Собранию, построение мечетей, независимо от ст. 261, допускалось только в том случае, если от построения мечетей «не может произойти соблазна в вере» живущих с магометанами христиан и новокрещенных татар [22, т. 12 ст. 262].

В 1897 году в Перми, по статистическим данным, жило более 650 человек мусульман, к XX веку их число увеличилось. У них был единственный молельный дом в доме одного из купцов. В 1901 году на деньги богатых купцов-мусульман было начато строительство мечети, которое окончилось в 1903 году. Она была сооружена в районе, большую часть населения которого составляли мусульмане [17 с. 76].

Примечательна история открытия мечети в селе Б. Гондырь Осинского уезда Пермской губернии. Это было одно из крупных селений вотяков в Осинском уезде, важное в торговом отношении. В этом селении также проживали татары, занимавшиеся торговлей. Власти, обеспокоенные магометанским влиянием на вотяков, в 1872 году учредили вотяцкую школу для ознакомления с христианством. После этого идеологическая борьба между мусульманством и православием разгорелась с новой силой. В 80-х гг. XIX века несколько семей перешли в ислам. В 1897 году в мусульманскую веру перешли 16 семей вотяков. В этом же году в селе Б. Гондырь завершили строительство церкви, что не только не уняло религиозной борьбы, но и разожгло ее с новой силой. Татары-гондыревцы попросили помощи у мусульман деревни Аксаитова, чтобы вторые приписались к приходу мечети Б. Гондыря (не хватало по численности). Мечеть открыли в 1898 году, по внешнему виду достаточно похожую на христианскую церковь. После этого число учеников в русской школе значительно снизилось, положение православного священника оказалось тяжелым [15].

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. количество мечетей в Пермской губернии увеличилось со 151 в 1856 г. до 338 в 1922 году. Большая их часть располагалась в татарских и башкирских деревнях, которые имели устойчивое экономическое положение. Так, например, в с. Азигулово перед революцией было 3 мечети. В восточных уездах Пермской губернии, которые по большей части сегодня составляют территорию Свердловской области, также было значительное количество мечетей: в Красноуфимском – 89, в Екатеринбургском – 32, в Верхотурском – 9, в Ирбитском – 4. Количество мечетей начало особенно заметно увеличиваться после публикации Высочайшего Указа «Об укреплении начал веротерпимости» и одноименного Высочайшее утвержденного Положения Комитета министров от 17 апреля 1905 года.

Тем не менее, и после публикации данного указа на пути крещеных татар, пожелавших вернуться в ислам, оставались различные препятствия. Прежде всего, решение о том, имеет ли право тот или иной прихожанин перейти в ислам, принималось с подачи священника

местной церкви. Обращалось внимание также на то, «из магометан» или «язычников» предки просителей. Проверялось «действительно ли заявитель еще до 17 апреля 1905 года не бывал у исповеди и святого причастия и не исполнял других обрядов» [4].

В связи с тем, что мусульмане активно принимали участие в революционных событиях 1905–1907 гг., на территории Вятской и Пермской губернии жандармами было установлено негласное наблюдение за всеми наиболее видными мусульманскими деятелями, закрыты ряд благотворительных обществ, в частности, Кунгурское, Нижнетагильское, Красноуфимское и Пермское, было разгромлено знаменитое Иж-Бубинское медресе педагогов Бубинских.

Особое внимание уделялось брачным отношениям. Вступать в брак с лицами нехристианских исповеданий, в т. ч. магометанами, дозволялось с точным соблюдением особых правил, определенных в Своде законов гражданских (ст. 12).

Если жених или невеста принадлежали к православному исповеданию, в этом случае требовалось:

1) Чтобы лица других исповеданий, вступающих в брак с лицами православного исповедания, дали подписку, что не будут ни поносить своих супругов за православие, ни склонять их к принятию своей веры, и что рожденные в этом браке дети будут крещены и воспитаны в правилах православного исповедания.

2) Чтобы при вступлении в эти браки непременно исполнены и соблюдены были все правила и предосторожности для браков между лицами православного исповедания.

3) Чтобы эти браки были венчаны православным священником в православной церкви.

Если жена или одна из жен магометанина примет крещение, то брак ее может оставаться в своей силе, без утверждения его венчанием по правилам православной церкви, но лишь тогда, когда муж, остающийся в своей вере, даст обязательство:

1) Дети, рожденные после крещения жены должны быть крещены в православную веру.

2) Состоять с новокрещенной женой в единобрачном сожительстве до тех пор, пока длится их брак, отказавшись от других жен. В случае, если новокрещенная жена не состоит с мужем в сожительстве, ей разрешается вступить в брак с лицом христианского исповедания.

Если новокрещенный имел прежде несколько жен, то после крещения он должен выбрать из них одну, с которой пожелает жить, преимущественно обратив ее в православие, и тогда брак их благословляется по церковному чиноположению [16, т. 10, ч. 1, ст. 82]. Если ни одна из жен креститься не пожелает (ст. 82), и муж не изъявит согласия жить с некрещеною, то ему дозволяется вступить в новый брак с православною [16, т. 10, ч. 1, ст. 83].

Брак остается в своей силе и тогда, когда оба супруга перейдут в христианство, несмотря на то, что он совершен в степенях родства, возбраненных церковью [16, т. 10, ч. 1 ст. 84].

Браки православных с иноверцами, в следствие иска супругов расторгаются не иначе, как по определению епархиального суда и с утверждения Святейшего Синода [16, т. 10, ч. 1 ст. 73].

Если магометане, вступившие в брак с лицами христианского исповедания, вопреки данным подпискам, воспитывают детей не в христианской вере, угрозами и обольщениями приводят супругов или детей к своей вере, препятствуют свободному отправлению христианских обрядов, то брак их расторгается, и они подвергаются лишению всех прав и состояний и ссылке на поселение в Сибири [19, ст. 186].

Относительно приготовления иноверцев нехристиан к принятию православной веры и совершению над ними обряда крещения действовали следующие правила:

1. Над малолетними магометанами, не достигшими 14-летнего возраста, таинство священного крещения совершается только с письменного согласия родителей или опекунов. Исключения из этого правила могут быть совершены только по разрешению Св. Синода.

2. Над магометанами, достигшими 14-летнего возраста, таинство крещения может быть совершено без согласия родителей или опекунов, если они сами того желают и имеют достаточные знания о ее догматах и учении.

3. Не достигшие совершеннолетия, т. е. 21 года, иноверцы готовятся к крещению 6 месяцев; совершеннолетние иноверцы готовятся к крещению в 40-дневный срок, который может быть уменьшен по нужде и смотря по успехам наставляемого.

4. Опасно больные иноверцы любого возраста могут быть крещены без промедления, с соблюдением установленных церковных правил.

5. Таинство крещения должно быть проведено в церкви и всегда в присутствии местного начальства или благонадежных свидетелей. Перед обрядом священник и местное начальство должно удостовериться в том, что лицо принимает крещение добровольно и с должным разумением, и без этого убеждения ни в коем случае не совершать обряд.

Иноверцев, желающих присоединиться к православной церкви, священник наставляет и утверждает в учении православной веры. Само присоединение совершается после взятия с ищущих письменного показания со следующей фразой: «Нижеподписавшийся или нижеподписавшаяся (звание, имя, фамилия, вероисповедание) сим изъявляю решительное намерение присоединиться к православной кафедральной восточной церкви и обещание пребывать в послушании ея всегда неизменно». Потом присоединение вносится в метрическую книгу [21, ст. 58].

Свидетельства о переходе из магометанства в христианства можно найти и в метрических книгах Пермской губернии. В копии метрической книги пермской новокладбищенской церкви за 1868 год находим запись: Алдых Бахранов – рядовой пермского губернского батальона. В крещении принял имя Александр. В метрической книге имеется запись, а также расписка о принятии крещения [14].

Рожденным и воспитанным в православной вере, живущим с новокрещенными в одних деревнях, предписывалось наблюдать за поступками новокрещенных. О всех новокрещенных в течение года представлялась ведомость епархиальному преосвященному один раз в год в начале января. Подписки присоединившихся к православию, а также иноверных супругов и родителей о воспитании детей в православной вере хранятся в архиве консистории вместе с метрическими книгами [23, ст. 29].

Особое положение Церкви давало ей возможность обращаться за помощью в деле христианизации к государству, параллельно создавая свою собственную структуру миссионерства. Миссии имели своей целью установление со стороны Церкви контроля в сфере социальных и семейно-бытовых отношений. Кроме того, принятие православия отдельными народностями способствовало их более быстрой интеграции в имперское сообщество.

Как особый епархиальный институт борьбы с расколом внутренняя миссия возникла в 1828 году, когда Николай I велел Синоду учредить противораскольничью миссию в Пермской губернии [11]. Во второй половине XIX века миссионерская деятельность Русской православной церкви на территории империи велась по двум направлениям: борьба с сектантством и старообрядчеством; проповедь среди «язычников» и мусульман.

Разрозненная деятельность многочисленных миссионерских организаций в XIX веке не давала ожидаемого эффекта, поэтому миссионерская деятельность подверглась коренной перестройке. Для выработки единых методов борьбы с сектантством и старообрядчеством, а также для обмена опытом миссионерской работы, в 1887 году в Москве был проведен всероссийский миссионерский съезд. По его результатам были приняты «Правила об устройстве миссий и о способе действия миссионеров и пастырей церкви по отношению к

раскольникам и сектантам» [24]. В «Правилах» было предписано в епархиях, в которых имелись сектанты и раскольники, назначать священнослужителей, а также уездных и окружных миссионеров из приходских священнослужителей и мирян, в обязанности которых входило собеседования с отпавшими.

В 1891 году был проведен второй миссионерский съезд. Но этом съезде миссионеры признали, что бессильны в борьбе за православие и без полиции не смогут справиться с сектантской ересью и расколом [5]. В 1896 году при поддержке председателя этого съезда преосвященного Иоанникия в Киеве был основан журнал «Миссионерское обозрение». Он являлся основным органом внутренней синодальной миссии.

Изменение миссионерской деятельности, в частности, выразилось в создании в 1870 году Русского Православного миссионерского общества. Главная цель общества состояла в том, чтобы содействовать православным миссиям в деле обращения в православие нехристиан Российской Империи. В Перми такой епархиальный комитет РПМО был создан в 1873 году. Со времени его открытия получило широкое движение просвещения «инородцев». Оно сосредоточилось в основном в Осинском, Красноуфимском и Соликамском уездах Пермской губернии, где с 1870-х гг. велась магометанская пропаганда.

Для распространения и утверждения православной веры принимались всевозможные меры, которые не имели значительного успеха. Основное препятствие – этнически неоднородный состав населения и проживание новокрещенных (до конца не утвердившихся в своей вере) среди мусульман.

Совет общества стремился привлечь к миссионерской деятельности весь православный народ. Выпускались книги, подробно описывающие цели РПМО, достигаемые им результаты, современное состояние миссий, их нужды и потребности. Благодаря этому в общество стали поступать вклады и поминаения [8]. Помимо этого, в 1876 году была образована переводческая комиссия Православного Миссионерского общества, преобразованная из комиссии для инородческих переводов при братстве св. Гурия [8, с. 480].

Помимо этого, проходило активное омусульманивание язычников. Миссионер отец Сергей (Багин), служивший в Пермской епархии проповедником, отмечал в своем отчете о том, что «вотяки-язычники находятся под большим влиянием магометанства. Вотяки-магометане настроены крайне фанатично; они отреклись не только от языческих верований, но и от национальной одежды и языка и называют себя – башкирами...» [6]. В Красноуфимском и Осинском уездах Пермской губернии мусульманское влияние на язычников усиливалось экономическими условиями: «Они были вынуждены арендовать землю у башкир». Боязнь остаться без земли подталкивала к принятию веры состоятельных соседей [13].

Особый характер носила деятельность церковных братств. К началу XX века они имели до 200 штатных миссионеров, проводили свои съезды, вели православные миссии. Тем не менее, количество обращенных ими к этому времени не превышало 3 тысячи человек [17]. В Екатеринбургской епархии Православное Миссионерское общество содержало 4 школы, тип которых был выработан Н.И. Ильминским [8, с. 481].

После 1905 года миссионерская деятельность столкнулась с большими трудностями. Изданные правительством указы 1905 г. привели в Поволжье и Сибири к возвращению многих новокрещенных в язычество и ислам. При этом ощущалась нехватка миссионеров, готовых трудиться на окраинах Российской империи [8, с. 482]. В Сибири на первый план выступают церковное строительство, подготовка пастырей и увеличение числа приходов и школ. В поволжских и приуральских епархиях шло наступление ислама: строились мечети и школы, проходила массовая исламизация народов Поволжья и Приуралья.

В 1907 году предполагалось провести церковный Всероссийский Собор, но это событие не состоялось. В этом же году было образовано Особое совещание по

миссионерским делам, которое планировалось реорганизовать в Миссионерский синодальный совет (его фактическое открытие состоялось в 1915 году).

В 1910 году была учреждена Противомусульманская миссия Екатеринбургской епархии. Первый руководитель миссии – священник Цесаркин, занимающий очень осторожную политику. В декабре 1912 года его сменил протоиерей А.С. Миропольский [9].

Миссионерская деятельность Александра Миропольского началась в 1871 году в селе Апазово Казанского уезда. Местные крещенные татары приняли его с неудовольствием, так как в это время многие крещеные деревни начали переходить в мусульманство. По этому поводу был проведен крупный процесс о совращении из православия в магометанство, окончившийся осуждением пяти человек на каторжные работы и троих к ссылке на поселение. Он совершал миссионерские поездки преимущественно по инородческим селениям Казанского и Лаишевского уездов. В 1881 году отец Александр овдовел, оставшись с двумя малолетними дочерьми. Отвергнув решение уходить в монастырь, он удочеряет девочку-сиротку из крещенных татар. В возрасте 70 лет, окончив Казанскую Духовную академию, отец Александр прибыл на служение в Успенский храм Каслинского завода Екатеринбургской епархии, а через год, в 1912 году назначен епархиальным миссионером. Резиденция миссионера находилась в Каслинском заводе, где на средства Комитета РПМО содержался приют для башкирских детей. В этом приюте содержались дети от 10 до 16 лет, но по представленным отчетам там проживали юноши и старше 16 лет.

Случаи крещения мусульман были достаточно редки. Но новокрещёных комитет не оставлял без поддержки, в том числе материальной. В 1917 году через священника А. Гвоздева было выдано 30 рублей на покупку одежды и обуви для одной новокрещеной. Также А.С. Миропольский совершал миссионерские поездки. В рапорте от 11 марта 1915 года протоиерей писал: «С 1 января по настоящее время текущего года наша миссионерская деятельность проявлялась тремя поездками в г. Екатеринбург в одну по заводам епархии до Алапаевского завода. Мои устные беседы особенно живо и подробно проводились как в вагонах железной дороги, так и на вокзалах, особенно на Екатеринбургском, который составляет собой один из лучших и плодотворных участков моего миссионерского поля деятельности, ибо здесь, как на вокзале, так и в городе, постоянно встречается множество мусульман, которым и раздаются брошюры, и происходят личные беседы. В поездку 9–17 февраля мною были посещены заводы Уфалейский, Северский, г. Екатеринбург, Нижний Тагил и Алапаевский завод. На попутных вокзалах оставлял и раздавал брошюры. На Екатеринбургском вокзале, в ожидании поезда на Тагил, мне пришлось пробыть около трех часов, когда я и беседовал с купцами из мусульман. В Нижнем Тагиле я пробыл около полусуток, посетил почти все татарские магазины и роздал много брошюр, в Алапаевск приехал в 11 часов ночи 14 февраля, а утром 15-го объехал и обошел все улицы завода, раздавая книжки встречающимся мусульманам». Часто к нему приходили мусульмане, поговорить о смысле веры и содержании брошюр. В марте и апреле 1917 года А.С. Миропольский посетил деревни Маплая Таскина, Надырова, Ятинова, Сатлыпова, Алабуга, Кэрпече и Рускуль, где им велись беседы с мусульманами. Башкиры слушали беседу с некоторым недоверием и то и дело повторяли «не может быть... не может быть...».

Для раздачи мусульманам Комитет готовил много брошюр, составленных протоиереем А.С. Миропольским, изданных на татарском языке. Названия этих брошюр: Земная жизнь Господа Нашего Иисуса Христа, Совет ищущему истинного благочестия, Бог един, Краткое объяснение таинства Св. Троицы, Сокращенный молитвослов, Любовь и самолюбие и др., всего 12 названий.

Для распределения в населенных пунктах, в которых совместно проживают русские и татары, раздавался ряд брошюр, изданных Комитетом. Названия брошюр: Мухаммедов Аллах не Бог; беседа о пророках; беседа о достоинствах веры; ответ Абдулхакку, хулителю

Христа; о необходимости Боговоплощения и др. Все эти брошюры были составлены Миропольским.

Активная деятельность А.С. Миропольского прервалась в 1918 году. Большевики, отступая, расстреляют несколько священников в Каслях, среди которых окажется и Миропольский. Говорят, сами «татары» пытались заступиться за священников. В сущности, миссионерство закончилось с последним миссионерским съездом 1917 года. Реализации его решений помешала революция.

Таким образом, представители Русской Православной церкви, обеспокоенные усилением ислама и начавшимся «отступническим движением», активизировали в конце XIX в. миссионерско-просветительскую работу, стремясь противопоставить магометанскому просвещению христианское. Миссионеры были убеждены, что распространение влияния ислама во многом происходит «благодаря обилию мусульманских школ».

Несмотря на то, что мусульмане были лишены возможности ведения официальной миссионерской работы, пропаганда ислама среди окружающего населения не прекращалась. По замечанию миссионеров, преимуществом ислама является то, что почти каждый мусульманин является в жизни проповедником ислама.

Как альтернатива усилению ислама в крае разворачивается активная работа православных миссионеров, учреждение ильминских школ, распространение православной литературы [1]. Однако после обнародования Манифеста «Об укреплении веротерпимости» религиозная пропаганда ислама усилилась, началось массовое отпадение в магометанство. Несмотря на все усилия по ослаблению влияния ислама в Пермской губернии Русской Православной церкви не удалось добиться возвращения в православие основной массы «отпавших», прекратить процесс исламизации местных народов.

Литература

1. Алов А.А., Владимиров, Н.Г. Ислам в России. М.: Министерство культуры РФ, РАН, Российский НИИ культурного и природного наследия, 1996. 92 с.
2. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость: Сб. статей. СПб.: Книгоизд-во «Общественная польза», 1905. 292 с.
3. Виссарион (иеродиакон). Вопрос о возможном слиянии мусульман и инородцев с коренным населением Русской империи // Православный благовестник. 1900. № 9. С. 10–15.
4. Возвращение к истокам: «отпадение» в ислам [электронный ресурс] // Генеалогия и архивы: [Б.М.], 2006–2013. URL: <https://clck.ru/Z74T5> (дата обращения: 26.09.2021 г.).
5. Воробьева И.А. Русские миссии в святой земле в 1847–1917 годах. М.: ИВ РАН, 2001. 175 с.
6. Воронец Е.Н. Материалы для изучения и обличения мохаммеданства. Вып. 3. Казань: Унив. тип., 1877. 108 с.
7. Габдуллин И. Движение крещеных татар по возвращению в мусульманство // Элмэт. Альметьевск. Казань: «Идел-Пресс», 2003. 740 с.
8. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.
9. Священномученик Александр Миропольский // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь. Тверь: Булат, 2008. С. 415–419.
10. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. М.: Мысль, 1970. 444 с.
11. Климович Л. Ислам в царской России. М.: Гос.антирелиг. издательство, 1936. 408 с.

12. Кобзев А. Возникновение мусульманских общин у «отпавших» крещеных татар Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Историко-этнографические исследования Симбирского Поволжья / под общей ред. профессора А.Н. Зорина. Ульяновск: Азбука, 2002. С. 53-60.
13. Пермские епархиальные ведомости. 1909. № 12. С. 943.
14. Пермский областной государственный архив. Ф. 37. Оп. 1. Д. 343.
15. Рыбаков С.Г. Русское просвещение и магометанская пропаганда в селе Б. Гондыре (Осинского уезда, Пермской губернии). СПб.: Синод. тип., 1900. 8 с.
16. Свод Законов Российской Империи [электронный ресурс] // Консультант Плюс. – [Б.М.], 1997–2014. URL: <https://clck.ru/Z72xQ> (дата обращения: 27.09.2021 г.).
17. Спешилова Е.А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917. Пермь: Изд-во «Курсив», 1999. 294 с.
18. Старостин А. История ислама в Свердловской области. М.: Логос, 2007. 144 с.
19. Российская империя. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: официальный текст. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1845. 964 с.
20. Российская империя. Устав Духовных Консistorий: официальный текст. СПб.: Синод. тип., 1843. 200 с.
21. Российская империя. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: официальный документ. СПб.: тип. 2 отд. Собств. е. и. вел. Канцелярии, 1876. 159 с.
22. Российская империя. Устав строительный, измененный по продолжениям 1876 и 1879 гг., с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений: официальный текст. Изд. 3-е. СПб.: Тип. К.К. Ретгера, 1881. 428 с.
23. Уставы Духовных дел Иностранных Исповеданий [электронный ресурс] // Консультант Плюс. [Б.М.], 1997–2014. URL: <https://clck.ru/Z72yu> (дата обращения: 26.09.2021 г.).
24. Церковные ведомости. СПб: Синодальная типография. 1888. № 39.

*D.A. Zakirov., G.O. Kolpakova
Raduzhny, Russia*

RELATIONSHIP OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE MUSLIM POPULATION OF THE PERM PROVINCE AT THE BORDER OF THE XIX–XX CENTURIES

Annotation. The article examines the relationship between the Russian Orthodox Church and the Muslim population of the Perm province at the turn of the XIX–XX centuries. The analysis was based on legislative documents, church materials reflecting the policy of the Orthodox Church on the Christianization of “foreigners”. It is noted that the processes taking place in the Perm province are typical for the territory of the entire Russian Empire. State policy until 1905 was aimed at the zealous protection of Orthodoxy. Muslims faced many difficulties and restrictions in their daily life. After the adoption of the decree “On strengthening the principles of religious tolerance”, the state policy is softened. The Church did her best to protect both the Orthodox and pagan populations from Muslim influence, tried to organize anti-Muslim missions, whose activities did not always end successfully.

Keywords: Russian Orthodox Church, Islam, missionary work, Perm province, clergy.

About the author: Galina Olegovna Kolpakova, Dmitry Andreevich Zakirov, Secondary School № 6, Raduzhny, Russia, tolmaga@mail.ru

© Колпакова Г.О., Закиров Д.А.